

Легенды Невского проспекта

Михаил Веллер

Байки Скорой помощи

«АСТ»

Веллер М. И.

Байки Скорой помощи / М. И. Веллер — «АСТ», — (Легенды
Невского проспекта)

ISBN 978-5-17-050459-6

ISBN 978-5-17-050459-6

© Веллер М. И.
© АСТ

Содержание

Огнестрельное	5
Голова	7
Артист	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Михаил Веллер

Байки «Скорой помощи»

Огнестрельное

О старый Ленинград, коммуналки Лиговки и Марата! Только врачи и милиция знают изнанку большого города. Какие беспощадные войны, какие античные трагедии. Не было на них бытописателя, запрещена была статистика, и тонут в паутине отошедших времен потрясающие душу и разум сюжеты: простые житейские истории.

Не любил старичок шума. Тихонький и ветхий. Раз в неделю ходил в баньку, раз в месяц стоял очередь за пенсией. Смотрел телевизор «Рекорд» и для подработки немножко чинил старую обувь.

И жил в той же квартире, пропахшей стирками и кастрюлями, фарцовщик. Как полагается фарцовщику, молодой, наглый и жизнерадостный. Утром он спал, днем фарцевал, а после закрытия ресторанов гулял ночь дома с друзьями и девочками. Они праздновали свое веселье и занимались сексом, и даже групповым.

С этим разворотом старичок, ветеран всех битв за светлое будущее, как-то мирился. Хотя чужое бесстыжее наслаждение способствует неврастению. По морали он был против, но по жизни мирился. А что сделаешь. Фарцовщик здоровый и нахальный.

А вот что музыка до утра редела и танцы топотали, это старичка сильно доставало. Сон у него был некрепкий, старческий; да хоть бы и крепкий, рев хорошей аппаратуры медведя из берлоги поднимет.

Будь наш старичок медведь, он бы им, конечно, давно скальпы снял. Покрошил ребрышки. Но сила была их, и поэтому он только вежливо просил. Мол, после двадцати трех часов по постановлению Горсовета прошу соблюдать тишину. Обязаны выполнять, люди спать должны.

Сначала он активно протестовал, требовательно, но ему щелкали небрежно по шее, и он притих. Пробовал и милицию вызывать, но с милицией они договаривались дружески, совали в лапу, подносили стакан, подвигали обжимать девок, и та миролюбиво отбывала. По отбытии старичка слегка били. Не били, конечно, а так, трепали. Для назидательности. Чтоб больше не выступал.

Прочие соседи вмешиваться боялись. Порежут еще эти бандюги. А так выпить угостят. Старичок же не пил. Он был старого закала, очень порядочный. И несгибаемый. И жил, главное, через стенку, весь звуковой удар на себя принимал: каблуки гремят, бляди визжат, диваны трещат – и музыка орет. Спокойной ночи.

Постучать в стенку тоже нельзя – в лоб получишь. Так он избрал такой способ сопротивления. Он садился в коридоре на табуретку, под лампочку, между кухней и туалетом. И когда кто-нибудь туда шел, старичок делал замечание:

– Прошу вас перестать шуметь, пожалуйста. Иначе я буду вынужден принять меры. Я вас предупреждаю.

Он с изумительной настойчивостью это повторял, и к нему постепенно привыкли, как к говорящему попугаю. Пьяные не обращали внимания, а потрезвей иногда откликались: «Добрый вечер, дедуля; конечно».

Уснуть это старичку, разумеется, не помогало, но помогало уважать себя. Потому что не смирился, не дал себя запугать, но в культурной и безопасной форме продолжал противостоять безобразию и бороться за свои права. Мирный Китай делал агрессивной Америке четыреста

сорок седьмое серьезное предупреждение, и сосуществование различных систем продолжалось своим чередом.

Вот он дежурит на своем тычке, а один гость в ответ:

– Да пошел ты на .... старый хрен. Не свисти тут.

Старичок побелел и повторяет:

– А я вам говорю – чтоб прекратили шум!

А гость пьяной губой шлепает:

– Ссал я на тебя. – И, глумливо не закрывая дверь, журчит мерзкой струей в унитаз.

Старичок прямо затрясся, зазаикался:

– Хам. Подонки. Мерзавцы. Стрелять таких.

– Чего-чего-о? – И пьяный его пятерней в лицо, пристукнул головой о стенку.

Старичок заплакал от бессильного унижения.

– Последний раз, – плачет, – предупреждаю! – И кулачок сжал.

«От глист плешиный», – слюнявит гость и, скрывшись в комнате, прибавляет музыку. И хохот оттуда: «Наш герой на посту!..»

Ружье отнюдь не висело в первом акте на стене. Оно валялось разобранное на антресолях лет тридцать. Старичок долго извлекал меж пыльного барахла чехол, балансируя на стремянке. На кухне из одного соседского столика вытащил наждачную шкурку, из другого – масло для смазки швейной машинки. И стал чистить ружье, не торопясь. Может, у них пока все и стихнет... Но там не стихало. Так что он смазывал ружье и заводился пуще, сатанел сверх предела.

Собрал, пощелкал. Вложил два патрона. Долго хранились, но в сухом месте. А может, и не сработает... И отправился на свою табуреточку. Ружье к стенке поставил, заслонил створкой кухонной двери.

И когда эта падла снова поволоклась в туалет, старичок одеревенел весь, напрягся и фальцетом пискнул:

– Я вас в последний раз предупреждаю!

Да вали ты во все места, рыгнул гость.

Старичок драматически наставляет свою двустволку:

– Не смейте меня оскорблять! В самый последний раз!! Предупреждаю: я буду стрелять!!

«Да я т-тебя, старый козел вонючий...»

– Я тебя предупреждал! Я тебя предупреждал!

Ну, и нажал. Грохот, дым! Того через весь коридор отшвырнуло – в упор ему засадил два заряда в брюхо. Вполне годные патроны оказались.

Когда приехали, он уже, конечно, остывать начал. Какая скорая помощь – все уже сделано: вместо живота дыра. Кругом толпа охренелая, старичок сжался на табуретке, вцепившись в ружье. И на вопрос:

– За что ты его макнул-то, папаша? – раскачивается и повторяет:

– Я его предупреждал; я его предупреждал; я его предупреждал.

Голова

Если медик циничен в силу профессии, то первокурсник – еще и в силу возраста. Шик первокурсника не просто позавтракать в анатомичке, но желательно облокотившись на выпотрошенный труп. Так устанавливаются нормальные рабочие отношения с брэнной людской плотью. А уж санитарить в морге – законная студенческая халтура. Своя бравада в каждом деле.

Правила высшего уже тона, аристократического, рекомендуют студенту иметь дома череп. Не муляж, а настоящий; атрибут священного и древнего ремесла медицины. Как наглядное пособие он полезен, чтобы учить кости черепа, коих числом – непосвященные и не подозревают – сто двадцать семь. Одновременно он является изысканным украшением интерьера и хорош как подсвечник, пепельница, пресс-папье и чаша для вина на пьянках с обольщением девочек. Вещь в хозяйстве ценная.

Он и денег стоит ощутимых. Студент и деньги – вещи совместимые редко и ненадолго. И наш студент решил обзавестись сим необходимым предметом просто и бесплатно.

Наш студент подрабатывал в анатомическом театре. Анатомический театр отличается от просто театра тем, что умершие от скуки во втором развлекают посетителей в первом. В чане с формалином, где плавали годами препараты, наш студент облюбовал подходящую бесхозную голову и в удобный момент ее выудил.

Он аккуратно упаковал голову в полиэтиленовый пакет, обернул газетами и уложил в мешочек. И втихаря вынес.

Через город в час пик путешествие с головой доставило своеобразные ощущения. В трамвае просили: да поднимите вы свою сетку, на улице интересовались: молодой человек, не скажете, где вы купили капусту; и тому подобное.

Он снимал комнату в коммуналке, в общежитии места не досталось. И, дождавшись вечером попозже, когда соседи перестали в кухне шастать, он приступил к процессу. Налил в кастрюлю воды, сыпанул щедро соли, чтоб ткани лучше отслаивались, погрузил полуфабрикат и поставил на плиту, на свою горелку. Довел до кипения, сдвинул крышку (можно списывать рецепт в книгу о вкусной и здоровой пище), полюбовался, и удалился к себе.

Лег на диван и стал читать анатомию, готовиться к зачету. С большим удовольствием повторяет по атласу кости черепа.

Тем временем выползает по ночным делам соседка со слабым мочевым пузырем. Соседка – она любопытна по своей коммунальной сущности. Особенно неугомонна она до студента. А кого он к себе водит? А с кем он спит? А сколько у него денег? А что он покупает? А чего это он вдруг варит, на ночь глядя, да в такой большой кастрюле? он отродясь, голодранец, кроме чайника ничего не кипятил, по столовкам шагает.

Оглядывается она, приподнимает крышку и сует нос в кастрюлю. И тихо валится меж плитой и столом. Обморок. Нюхнула супчику. Неожиданное меню.

Там и сосед вылезает, попить хочет, перебрал днем. Видит он лежащую соседку, видит кипящую кастрюлю, парок странноватый разносится. Что такое? Окликает соседку, смотрит в кастрюлю... А на него оттуда смотрит человечья голова.

Дергается он с диким воплем, смахивает кастрюлю, шпарится кипятком да по ленинским местам, орет непереносимо, а кастрюля гремит по полу, и голова недоваренная катится.

На этот истошный крик хлопают все двери – выскакивают соседи. И что они видят:

Сосед выпученный скачет, как недорезанный петух, и вопит, как Страшный Суд. Соседка лежит промеж плитой и столом кверху задом, так, что на обозрении только ноги и немалый зад, а верха тела за ним не видно, заслонено. А на полу в луже валяется обезображенная, страшная голова.

И все в ужасе понимают так, что это соседкина голова.

И тут в пространстве гудит удар погребального колокола, и потусторонний голос возвещает:

– Это моя голова!..

Тут уже у другой соседки случилось непроизвольное мочеиспускание. Прочие посинели и воздух хватают.

А это студент, сладко усыпленный анатомией, вздрогнул от кухонного шума, в панике чуя сердцем неладное тоже вылетел, в темноте коридора тяпнулся впопыхах башкой с маху об медный таз для варки варенья, который висел на стене до будущего лета, и в резонанс проорал упомянутую фразу не своим от боли голосом, искры гасил, которые из глаз посыпались.

Хватает студент голову, дуя на пальцы кидает ее в кастрюлю, возвращает на плиту, материт в сердцах честную глупую компанию. Соседу спускает штаны и заливает ожоги растительным маслом и одеколоном, остатками одеколона соседке трет виски и шлепает по щекам, она открывает глаза и отпрыгивает от него, людоеда, в страхе за людей прячется.

Студент молит и объясняет. Соседи жаждут кары. Звонят в скорую – через одного плохо с сердцем. Ошпаренному особенно плохо на полметра ниже сердца. Обморочная заикается. Заикается, но в милицию звонит: а ну пусть разберутся, чья головушка-то!

...Обычно реакции медицины и милиции совпадают, но здесь разошлись решительно. Эскулапы валялись от восторга и захлеб вспоминали студенческие развлечения; милиция же рассвирепела и приступила к допросу с пристрастием и даже применением физического воздействия: дал старшина анатому в ухо, чтоб вел себя потише и выглядел повиноватее.

С гигантским трудом удержался он в институте, оправдываясь безмерной любовью к медицине и почтением ко всем ее древним традициям. Голова вернулась в анатомичку, студента же с работы в анатомичке выгнали, разумеется, с треском; и со стипендии сняли на весь следующий семестр.

К слову уж сказать, зачет по анатомии он с первого захода завалил. Балда.

Артист

Был в Ленинграде вполне известный актер Зиновий Каморный; как бы почти звезда первого ряда на вторых ролях. Такой стройный, красивый, дерзко-обаятельный – часто снимался в ролях всяких белогвардейских поручиков или преступников с привлекательной порочностью.

Девушки там висели гроздьями и дрыгали ногами. Это дело он понимал. Такой советский плэйбой, душка-киноартист.

И хороший, кстати, актер! Мог бы карьеру возвести. Но керосинил по-черному, штопором в брызги: от запоев лечился.

Жена с ним не выдержала, ушла. Он ее метелил дико. Как нажрется, так и коммуниздит. Или по знакомым скрывалась, или в травме лечилась; куда же... Его адресок на скорой и в милиции уже знали.

И вот он набанкетился в угар и дым с ошалелой поклонницей, с утра сгонял ее за литром на опохмел и стал метелить. Но она сопротивлялась, так он решил ее резать.

Соседи на дикие вопли застучали в дверь, задержали, угрозили: привычный случай; опять... А девушка вьет адские рулады – спасайте! насмерть убивают!

Пока прождешь вызванной милиции, э. А внизу шлепал себе с дежурства милиционерик. Ему замахали, призвали. Прибегает наверх.

Из-за двери – радиопьеса ужасов на полную громкость! Он грохочет кулаком, сапогом: милиция! А ни фиги. Помогите!!!

Вышибли с соседями дверь. Дух ханыжный, в пустых стенах бутылки катаются. И посреди композиции артист Каморный, опухший вампир с парикмахерской бритвой: Иван Грозный убивает свою дочь. А-а, рычит безумно, бабу в обхват – и лезвие к горлу! Еще шаг! и катайте голову. Кровь показывается на шее.

Ай, ой. Ситуация требует мгновенных действий. И милиционер действует: дергает пистолет и первым же выстрелом в упор очень удачно засаживает бабе в бедро. Их на службе мало тренируют на снайперскую стрельбу при скоротечных контактах. Опыта нет: у него все трясется от зубов до колен.

Девушка оседает, милиционер укрепляет шпалер двумя руками – шар-рах артисту Каморному да посередь лба. Тот, естественно, бритву выпустил и сам лег. Порядок восстановлен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.